

Иван Иванович прожил долгую и честную жизнь, по-настоящему героическую, чем имел право гордиться. В детстве и юности он дружил с Александром Сергеевичем и, любя его, старался исправить легкомысленного друга. Это ему удавалось мало. Потом пути их разошлись, и Иван Иванович, редко встречаясь с Александром Сергеевичем или слыша о нем, убеждался, что друг его как будто не взрослеет, а навестив его в изгнании, увидел, что тот по-прежнему мало уважает в себе свободную личность и гражданина.

«Сцена переменялась». Иван Иванович за участие в заговоре против царя оказался на каторге в Сибири. Дошли до него известия, что друг его женился на первой красавице и поступил в придворную службу, что совсем разочаровало нашего героя. Весть о гибели Александра Сергеевича он встретил с печалью, но уже равнодушно. Потом Иван Иванович возвратился с поселения, постарел, превратился в ветерана, и всякий раз в рассказах о минувшем он вспоминал не вполне удавшуюся жизнь Александра Сергеевича и думал, что, если бы не судьба, он уберег бы товарища от ошибок.

Вот содержание спектакля «Мой друг бесценный». Если к именам и отчествам добавить еще и фамилии, оно мгновенно потеряет присущее ему обаяние иронического вольномыслия и превратится в спорное, уязвимое для специалистов толкование известного текста. А так, без фамилий, это история о праведной и смешной жизни, о подвигах, о доблести, о славе, никому не нужных; об обывателе с самомнением гражданина.

Ивана Ивановича во всех letech, Александра Сергеевича и множество других лиц изображает Игорь Ларин. Он автор превосходного и достаточно традиционного спектакля **одного актера**. Текст сопровождается серией карикатурных картинок. Они сливаются в одну ленту, как будто перед нами живой кинематограф. Встрепанного, испуганного Ваню держит за руку дед-генерал, самолично приведший внука в Лицей. Мальчики готовят «гогель-могель» в цилиндре. Ужасный случай — лопнули слишком тесные форменные брючки, и так далее, до старости. Образ возрастающего до «пользы отечества» мужа является зримо. Слова ничего не скажут о том, как он поднялся над средой (вскочил на стул) и как превратился в государственного преступника (свалился со стула). Все снижено до комикса, словно по тексту уважаемого Ивана Ивановича прошлась рука насмешливого Александра Сергеевича.

Однако спектакль Ларина не только проделки молодости над заветами темной старины. Веселость его острая, хотя и не злая. Он касается вечной и болезненно значительной темы русско-

ЭХО ПЕЧАЛЬНОГО ВОПРОСА

го искусства: поэт и гражданин. Два героя, Иван Иванович и Александр Сергеевич,—это две жизненные роли. Поэт — ампула шутовское, если он не гражданин. Поэт — беспринципный индивидуалист. Недаром Иван Иванович сомневался, стоит ли посвящать Александра Сергеевича в заговорщические дела. Единая достойная роль человека — роль гражданина. Так думали в XIX веке.

Но сцена действительно переменялась. Теперь шутовским предстает ампула гражданина. Роль эта у Ивана Ивановича сводится к таинственным перемигиваниям и полушепоту, к потерянной душевной свободе, к утраченному чувству юмора. Она завершается полным отвердением натуры, охлажденной сибирскими морозами и годами пренебрежения к нуждам низкой жизни. Ветеран, которого Игорь Ларин демонстрирует в прологе и эпилоге,—это износившийся механизм принципов и долга. Ржавый, скрипучий, кашляющий и хрипящий, как столетние напольные часы, Иван Иванович во фраке и цилиндре — увя, жестокая пародия на гражданские добродетели, пережившие сами себя.

Среди немногих вещей, которыми искусно манипулирует актер (колокольчик, цилиндр, обрывок цепи), особое внимание привлекает одна неподвижная, большая вещь — щит с воспроизведенными росчерками, женскими головками, черными прожилками зачеркнутых строк. На щите проходят тени всех персонажей. Рядом с добротной громадой Ивана Ивановича мелькают спокойные силуэты Александра Сергеевича.

Роль поэта тоже пародийна, но все же с предпочтением ее роли прямолинейного гражданина, потому что поэт любит своего первого, бесценного друга, не обращая внимания на взгляды и идеалы, а гражданин снисходит к поэту, переступает через презрение передового деятеля к аполитичному лицу. В старческом маразме он орет о достоянии России, напоминая о немалом числе подобных посмертных оболваниваний, которых удаивались «неправильные» живые поэты и художники. Иван Ивановичи брали и берут на себя подвиг памяти, измеряя Александр Сергеевича ар-

шином какого-то своего прогресса, одинакового во все времена.

Вот почему главным героем спектакля является не поэт и не гражданин, и даже не их талантливый создатель, ленинградский актер Игорь Ларин, а поколение, стоящее за ним. Чувствуется спокойная смелость людей, не верующих в идола, старые и новые. Если вызов, переданный Лариным через спектакль, здесь преувеличен, то невольно, из-за неожиданной и радующей свободы обращения молодого художника с весьма затертой темой.

Ларин обращается к публике от себя, и тогда его голос звучит с достоинством серьезного собеседника, обращенным к интеллигентным слушателям. Его работа равно точна в мысли и в отделке. Она дерзка, но в меру — так, чтобы не перейти пределов вежливости и вкуса. Наконец, она полна отзвуками и эхом печального вопроса, который Пушкин посылал вслед Пушину: «Где ты? Где я?», горечь которого знакома нашему бедному времени.

Так Игорь Ларин перечитал «Записки о Пушкине» Ивана Пушину.

Елена ГОРФУНКЕЛЬ,
кандидат искусствоведения.

ЛЕНИНГРАД.

● Сцена из спектакля.

Эхо с сестры.